

Кисельникова Н. В. Истоки «проблемы Фиуме» в международных отношениях после завершения Первой мировой войны / Н. В. Кисельникова // Научный диалог. – 2013. – № 1(13) : История. Социология. Экономика. – С. 55–65.

УДК 94(497.5+450)

Истоки «проблемы Фиуме» в международных отношениях после завершения Первой мировой войны

Н. В. Кисельникова

Дается обзор основных событий в истории Фиуме. Рассматриваются предпосылки возникновения конфликта вокруг Фиуме на Парижской мирной конференции, истоки возникновения проблемы Фиуме в международных отношениях в межвоенный период.

Ключевые слова: вопрос Фиуме; международные отношения; Парижская мирная конференция.

Tarsatica, Terra Sancti Viti ad flumen, Saint Weit am Flaum – под такими названиями в различные эпохи было известно поселение, находившееся на месте современного города Риеки, в настоящее время являющегося одним из многочисленных и ничем особенно не примечательных портовых городов адриатического моря, с 1946 года входящим в состав республики Хорватия. В 20-е годы XX века этот город будоражил умы всей интеллектуальной элиты послевоенной Европы. Он послужил причиной крупного международного скандала, выявившего серьезные недостатки и проблемы зарождавшейся в то время новой системы международных отношений. В свете сказанного представляется интересным попытаться проследить

хотя бы в общих чертах предпосылки возникновения конфликта вокруг Фиуме, обратившись к более далекой его истории.

Фиуме, наряду с Данцигом, являлся одним из наиболее важных для Европы портовых городов. И, равно как и Данциг, Фиуме стал заложником своего географического положения. Фиуме находится на водоразделе трех национальных групп: немецкой, итальянской и славянской. Многонациональность населения характеризовала этот город с самых ранних этапов его истории. Изначально на территории, на которой затем возник город, были перемешаны япиды, истры, либуры. Римляне после завоевания Истрии для защиты своих новых владений от япидов воздвигли заградительный вал, который тянулся от Айдовшины к юго-востоку от Гориции вдоль Карсо до Фиуме. Здесь они основали военную колонию, назвав ее *Tarsatica* [Peteani, 1992, p. 1]. Колония развивалась и приобрела статус муниципии во времена императора Августа, который реорганизовал административное деление Италии, вследствие чего вся часть Истрии к западу от реки Арса была включена в состав десятого региона Италии, а часть к востоку от реки Арса, в том числе и Тарсатика, вошла в Иллирийскую провинцию. Ирония заключается в том, что про эту линию раздела вспомнили спустя много сотен лет, при решении судьбы Фиуме на Парижской мирной конференции, и использовали как контрдовод с американской стороны, когда итальянцы попытались представить римское прошлое города как аргумент в споре для доказательства его итальянского духа [Альдрованди-Марескотти, 1944, с. 169; Peteani, 1992, p. 2].

В VII веке происходит массовое заселение территории славянскими народами. В это время окрестности города стали полем битвы между франкскими войсками и местным населением. По легенде, Карл Великий сровнял город с землей в 800 году в отместку за смерть Генриха Страсбургского, герцога Фриули, который погиб, осаждая город [Peteani, 1992, p. 3].

Затем, как мы знаем, Фиуме входил в состав истрийской марки, которая, в свою очередь, с XIII века подчинялась патриархату Аквиели. Город развивался как типичный средневековый порт, обладавший широкой автономией. Тем не менее, важно заметить, что Венеция, начиная с XIV века, делала все возможное, чтобы блокировать проход товарных потоков через Фиуме и не допустить появления сильной конкуренции с его стороны. Так, за свою долгую историю Фиуме успел побывать как римской колонией, так и свободной коммуной в рамках средневековой системы самоуправляемых городов-государств.

В 60-е годы XV века город относился к владениям габсбургской монархии, во многом утратив статус и независимость. [Capuzzo, 1996, p. 8]. Тем не менее горожане упорно отстаивали свои привилегии и свободы. В 1530 году указом императора Фердинанда I был утвержден городской устав, что фактически означало признание полной автономии города, то есть признание его свободной коммуной [Susmel, 1919, p. 55–60]. Для империи Габсбургов была характерна неоднородность и разнообразие форм управления, и в этих условиях фиуманской знати было проще сохранить свои позиции в городе. В последующие несколько столетий Фиуме вел непрерывную борьбу с целью доказать свое историческое право на автономию, фактически дарованное ему монархом.

Довольно длительное время существование города осложнялось непосредственным соседством венецианских владений и периодическими набегами ускоков (иррегулярных хорватских войск). В итоге для того, чтобы облегчить экономическое положение Фиуме, в начале XVIII века ему был дарован статус свободного порта, что существенно упростило прохождение через него торговых потоков. С XVIII веком связан расцвет экономической жизни Фиуме. В 1717 году фактически была объявлена свобода навигации вдоль адриатического побережья Австро-Венгрии. Впоследствии, в 1723 году, сначала в Три-

сте, а затем и в Фиуме, были учреждены *Tribunali di cambio mercantile* и *consolati del mare* [Capuzzo, 1996, p. 11], в чью юрисдикцию вошли вопросы, связанные с морской торговлей, коммерцией и ссудной деятельностью, ранее находившиеся в компетенции городского судьи. Подобные мероприятия привели, кроме прочего, к изменению социального строя города, когда нарождающаяся буржуазия стала постепенно вытеснять традиционно занимавший главенствовавшее место патрициат. Именно буржуазия будет впоследствии играть ключевую роль в развитии событий в городе, и из нее будет сформировано ядро автономистской партии Фиуме.

В 1776 году Мария Терезия включила город в состав Венгерского королевства, административно подчинив его Хорватии. В отношении экономического положения город выиграл от этой перемены, поскольку она избавила его от постоянной конкуренции с другим крупным австрийским портом – Триестом. Однако подчинение Хорватии вызвало резкое недовольство горожан [Peteani, 1992, p. 10]. Мария Терезия даровала городу особый юридический статус – *Corpus separatum*, что способствовало экономическому процветанию города. Тем не менее в Фиуме не прекращалось соперничество венгров, стремившихся использовать экономические ресурсы порта, и хорватов, пытавшихся интегрировать его в славянские традиции и в итоге присоединить к Хорватии [Deotto].

В период наполеоновских войн Фиуме на короткий срок возвращается в австрийские владения, но уже в 1822 году вновь переходит под юрисдикцию Венгрии. В 1848 году во время венгерского восстания город был оккупирован хорватскими войсками, сохранившими верность императору. Хорватский период в истории города продолжался до 1867 года, когда Венгрии удалось достигнуть компромисса с Австрией (*Ausgleich*), в результате которого была создана двуединая Австро-Венгерская монархия, и, как следствие, добиться возвращения города в свой состав в качестве *corpus separatum*.

Параллельно всем этим событиям в конце XIX века в городе сформировалось небольшое, но сплоченное ирредентистское ядро, а также в конце века была создана автономистская партия во главе с Риккардо Дзанелла, которая сыграет важную роль в вопросе о Фиуме в военный и послевоенный периоды.

Проблема Фиуме остро встала в конце Первой мировой войны и на Парижской мирной конференции.

Для понимания остроты вопроса необходимо учитывать, какую важность имело балканское направление во внешней политике Италии. Во-первых, оно занимало центральное место во всем переговорном процессе, предшествующем вступлению Италии в войну. Идеалы ирредентистского движения не всегда играли здесь главную роль. Так, в апреле 1915 года премьер-министр Италии А. Саландра заявил: «Для нас это значит не просто освободить несколько сотен итальянцев, но обеспечить границу <...> В одном из последних разговоров с Бюловым (имперским канцлером Германии – *Н. К.*) я подчеркнул, что для нас адриатический вопрос не ограничивается Трентино <...> Наше положение на этом море достаточно сложное, поскольку на самом длинном побережье у нас нет портов между Гардано и Венецией, и это перед лицом лабиринта островов и берегового рельефа Далмации. И лишь уступка какого-нибудь порта наблюдения для нашего флота и нескольких островов может улучшить ситуацию» [Vivarelli, 1991, p. 165]. По мнению британского журналиста и политического агента К. Сетон-Ватсона, Балканы и Центральная Европа представляли собой одно из двух направлений колониальной политики Италии, другим было обретение колоний в Африке. Ирредентистские настроения были скорее фасадом, за которым стоял стратегический интерес обеспечения безопасности со стороны Адриатики. Претензии на Истрию, Трентино, Триест можно было назвать ирредентистскими, тогда как Далмация явно в этот круг не входила [Seton-Watson, 1980, p. 169].

Во-вторых, Италию серьезно беспокоила «славянская угроза», которая могла прийти на место австрийской. И дело не только в очевидном усилении националистических тенденций, наметившихся в Сербии и укрепившихся по ходу войны, но, в основном, в заинтересованности России и поддержке, которую она традиционно оказывала славянским народам Балкан.

После подписания Лондонского договора в итальянской прессе была развернута пропаганда по превращению Адриатического моря в «итальянский залив», а Далмация стала упоминаться в числе «традиционных» *terre irredente*.

Итальянские политические круги оказались расколоты по балканскому вопросу: демократическая часть придерживалась точки зрения, что Италия заинтересована в дружеских отношениях с балканскими государствами, тогда как националисты игнорировали интересы малых народов Балкан и считали возможным перекраивать политическую карту региона в соответствии с их представлениями о гарантиях стратегической безопасности Италии.

В этот момент в международной политике все большую популярность стали приобретать идеи национального принципа устройства государств. Особый интерес в судьбе Балкан проявляло Соединенное королевство. Политическая линия на самоопределение народов еще более укрепилась с вступлением в войну Соединенных Штатов 2 апреля 1917 года. В американской программе ясно декларировалось право на самоопределение и создание свободных либеральных государств малыми народами Европы.

В то же время в 1917 году Россия практически исчезла из европейской политики в связи с обострившейся внутренней ситуацией. 9 мая 1917 года Временное правительство выступило с декларацией, что Россия не стремится к завоевательной войне, доминированию над другими народами и что единственной ее целью является

достижение мира на основе принципа самоопределения народов [Vivarelli, 1991, p. 185].

20 июля 1917 года между сербским премьер-министром Николой Пашичем и А. Трумбичем было подписано соглашение в Корфу, заложившее основу формирования будущего государства южных славян. Эта декларация стала логическим продолжением борьбы за объединение славянских народов Балканского полуострова в рамках единого государства, активно развернутой с началом войны сербскими политическими силами под руководством А. Трумбича и Ф. Супило. 7 декабря 1914 года сербское правительство заявило, что война, навязанная сербскому народу Австро-Венгрией, стала освободительной войной всех сербов, хорватов и словенцев [Sepic, 1962, p. 29].

Корфуская декларация вызвала существенный резонанс в итальянской прессе, демократическая часть которой призывала к сотрудничеству с зарождающимся государством, консервативная же восприняла новость с большой осторожностью. В сложной ситуации оказался Соннино, упорно не желавший признать реальность грядущего распада Австро-Венгрии и необходимость выстраивать новую политику исходя из этой предпосылки.

В конце октября 1918 года итальянский национальный совет, существовавший в Фиуме, декларировал присоединение Фиуме к Италии на основе права каждого народа на независимость и свободу (под эгидой Америки, «матери свободы и мировой демократии» [Vivarelli, 1991, p. 235]).

С распадом империи Габсбургов у сторонников идеи самоопределения Фиуме появилась надежда быть услышанными на послевоенной конференции. Однако и после длительных переговоров в рамках конференции вопрос Фиуме хоть и был поставлен, но не был решен.

Как следствие, между ноябрем 1918 года и сентябрем 1919 года националистически настроенными силами Италии в сотрудниче-

стве с фиуманскими лидерами был подготовлен заговор с целью захватить Фиуме [Ledeen, 2003, p. 31].

Стратегическая важность Фиуме осознавалась всеми европейскими странами. Например, «Вестник кораблестроения и судоходства» от 1 мая 1919 года писал: «Британские кораблестроители не могут игнорировать итальянский кризис. Вопрос принадлежности Фиуме к Италии является международным. Как океанский порт <...> населенный народами, которые растут быстрее, чем их флоты, он представляет большие возможности для британского судоходства <...> Еще до войны было тяжело иметь дело с итальянскими войсками, сейчас же, когда проснулись их амбиции иметь собственный флот, вряд ли им понравится конкуренция» [Ledeen, 2003, p. 31]. Тем не менее Великобритания не была заинтересована в обретении политического влияния в городе, ей достаточно было предотвращения монополии Италии в торговле. То же самое относилось и к американцам. Французов, напротив, интересовали не вопросы торговли, а установление своего влияния на Балканах. Фиуме служил базой для французской армии, поддерживавшей сербов, и, кроме того, был выходом к морю, соответственно, рычагом влияния на Югославянское государство. В конце декабря Франция заявила, что разместит в Фиуме то же количество войск, что и Италия. Грациоли столкнулся с проблемой размещения вновь прибывших войск и с увеличением числа стычек на улицах города. Кроме того, несколько тысяч сербских солдат были высажены в городе англичанами. У Грациоли сложилось впечатление, что французы любыми путями стараются не допустить итальянского преобладания в Фиуме. В соответствии с этим он начал готовить планы обороны города, кроме того, обратился к итальянскому правительству с просьбой уполномочить его на проведение проитальянской кампании среди горожан, для борьбы с югославянскими планами и французской пропагандой. Неспособность Франции и Италии прийти к соглаше-

нию по вопросу о Фиуме привела к тому, что ситуация на улицах города летом 1919 года вылилась фактически в микро-войну между двумя этими странами [Ledeen, 2003, p. 35].

В самой Италии внутреннее положение становилось все более сложным. Возвращение солдат на родину, их адаптация и превращение обратно в мирных граждан оказалось очень тяжелым процессом. Из-за страхов, что и без того истощенная экономика страны не сможет принять этот поток рабочей силы, и из-за негативного отношения военных элит к демобилизации, решено было на время сохранить большую армию [Deotto]. Основным аргументом в защиту этого решения со стороны военного командования было то, что армия может потребоваться в борьбе с внутренним врагом. Между тем, состав армии сильно изменился: если в войну Италия вступала со 142 генералами, по завершении военных действий их было уже 1246 [Ledeen, 2003, p. 38]. Разумеется, они не одобряли стремления правительства Нитти урезать военные расходы и сократить количество военнослужащих. Кроме экономических и социальных проблем, возникали проблемы политического характера. Люди, вернувшиеся с фронтов, были уверены, что должны играть существенную роль в политической жизни страны. Кроме того, они хотели получить все те экономические выгоды, которые обещало им правительство за участие в войне. Недовольство в армии вызывало и то, что офицеры получали стабильное жалование, в то время как рядовые были оставлены практически без гроша. Все это, в купе с инфляцией, обесцениванием лиры и усугубляющимся кризисом во всех областях экономики, породило жесткую критику политического положения в стране.

Существует точка зрения, что именно раздражение, накопившееся в армии против правительства, угроза резкого возрастания безработицы и политика демобилизации сыграли решающую роль в событиях сентября 1919 года. Однако они стали лишь катализато-

рами реакции, тогда как основной причиной, по мнению, разделяемому многими исследователями, в том числе Виварелли, основной причиной была глубокая уверенность в справедливости итальянских притязаний на Фиуме [Vivarelli, 1991, p. 519].

Литература

1. *Альдрованди-Марескотти Л.* Дипломатическая война : воспоминания и отрывки из дневника : 1914–1919 гг. / Л. Альдрованди-Марескотти. – Москва : ОГИЗ Госполитиздат, 1944. – 391 с.
2. *Capuzzo E.* Dall’Austria All’Italia : Aspetti istituzionali e problemi normativi nella storia di una frontiera / E. Capuzzo. – Roma : La fenice edizione, 1996. – 265 p.
3. *Deotto P.* L’impresa di Fiume : così D’Annunzio giocò alla guerra [Электронный ресурс] / P. Deotto. – Режим доступа : <http://www.cronologia.it/storia/biografie/dannunzio3.htm>.
4. *Ledeer M. A.* D’Annunzio : The first Duce / M. A. Ledeen. – New Brunswick, USA : Transaction Publishers, 2003. – 225 p.
5. *Peteani L.* Italia e Fiume attraverso i secoli / L. Peteani. – Genova , 1992. – 22 p.
6. *Sepic D.* The Question of Yugoslav Union in 1918 / D. Sepic // Journal of contemporary history, 1914–1918 : from war to peace. – 1962. – Vol. 3. – № 4. – Pp. 22–43.
7. *Seton-Watson C.* Italy’s Imperial hangover / C. Seton-Watson // Journal of contemporary history. – 1980. – Vol. 15. – № 1. – Pp. 169–179.
8. *Susmel E.* Fiume attraverso la storia dalle origini ai giorni nostri / E. Susmel. – Milano : Fratelli Treves, 1919. – 148 p.
9. *Vivarelli R.* Storia delle origini del fascismo : l’Italia dalla grande guerra alla marcia su Roma : Vol. I. / R. Vivarelli. – Bologna : Il Mulino, 1991. – 651 p.

© Кисельникова Н. В., 2013

Origins of “Fiume Problem” in International Relations after World War I

N. Kiselnikova

The article reviews major events in the Fiume history. The author studies preconditions of the Fiume conflict at the Paris Peace Conference, origins of the Fiume problem in international relations during the inter-war period.

Key words: Fiume question; international relations; Paris Peace Conference.

Кисельникова Наталья Валерьевна, аспирант кафедры европейских исследований Института социальных и политических наук, Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), nkiselnikova@gmail.com.

Kiselnikova, N., post-graduate student, Department of European Studies, Institute of Social and Political Sciences, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg), nkiselnikova@gmail.com.